

Подарок Пугачёву

Легенда

31 мая 1774 года, после полудня, на заводской площади народ собрался – яблоку негде упасть. Толпа возбуждённо гудела. Сатка ждала приезда «императора Петра Фёдоровича Третьего». Наконец, ударил колокол! И сразу всё смешалось: стреляли из пушек, ружей, визжала толпа...

На Луговой улице появился всадник на белом коне! Большая свита окружала его. Зазвонили все колокола! Работные люди, крестьяне, обыватели встретили «царя-надёжу» неистово громкими криками! В новом кафтане, расшитом красными галуна, Пугачёв молча кланялся заводскому народу.

Расположился в просторном особняке барона Строганова. Правда, последнее время дом принадлежал уже новому хозяину. Саткинский завод у барона купил за 204 тысячи рублей Ларивон Иванович Лугинин. Всеми хозяйственными вопросами у него ведала приживалка, Василиса Власьевна Шарабанова. Дюжего проворства, крутого нрава, великого ума была женщина. По годам старухой считалась, но лицом – молодые завидовали! Двум владельцам завода угождала и удостоилась чести – самому «государю» услужить. Вот как это было.

Ещё осенью 1773 года, когда на заводе появились крамольные «царские манифесты», Лугинин всё добро своё ночью тайно вывез. Спрятал в пещерах на Лунной реке, и сам исчез. Весной 1774 года на заводе уже открыто поговаривали о Пугачёве. Тогда убралась из господского дома и Шарабаниха – от греха подальше. Как ни отговаривали приказчики хозяина – приютилась у дальней родственницы на заводской окраине. Что благоразумно и дальновидно сделала, подтвердилось вскорости.

В день, когда Пугачёв прибыл в Сатку, на заводской площади у православной церкви Живоначальной Троицы «государевым судом» казнили лиходеев – купцов и зловредных лугининских приказчиков. Повесили всех.

И вечером того же дня состоялся пир. Во дворе особняка радостям не было предела. Громко пели атаманы, драли глотки пушкари, кружились девицы в цветастых сарафанах, трясли зипунами мужики. «Государь», хмельной и довольный, сидел у открытого окна господского дома. И среди этого шумного веселья увидел юную красавицу: из-под кашемирового платка

выбились локоны длинных вьющихся волос, сверкающие глаза, задорная улыбка.

Горячая казацкая кровь ударила Пугачёву в голову. Атаманы под руки вывели его во двор.

– Спляши, государь-батюшка! Не прогневайся, спляши! – буйно взревела толпа и расступилась.

На круг лебедушкой выплыла Дуняша Невзорова. Все ждали, когда начнёт плясать «император». Но хмельной государь неожиданно бодрым шагом подошёл к Дуняше и поцеловал её в губы. Толпа, ошарашенная увиденным, замерла. Потом кто-то тихонько крикнул и невпопад пронзительно заорал:

– Горько-о-о-о!

– Горько! Горько! – подхватили другие чёрные людишки.

Вновь забурило, пришло в неопишное волнение застывшее людское море. В ту памятную ночь заводское простонародье прозвало Дуняшу Невзорову «саткинской государыней».

Три дня гудела свадебным разноголосьем Карагайская гора. Оттуда и приполз слухок: казаки спрашивают людишек о Шарабанихе. Когда Василиса Власьева узнала об этом, перепугалась до смерти! Её внук помогал Лугинину прятать добро. Потом исчез вместе с хозяином. От внука Шарабаниха узнала, что сокровища были несметные: жемчуг, драгоценные камни, слитки золота и серебра. Она рассказала об этом только куме, у которой жила, таясь от людей. А через малое время слух о лугининских кладках стал гулять по заводскому поселению. Дошёл, видать, и до Пугачёва.

Притащили молодые казаки Шарабаниху к «государю-батюшке». Старуха завывала, упала в ноги «Третьему императору». Её подняли, усадили рядом с креслом Пугачёва. Царь-государь был уже наслышан о Шарабанихе. Смотрел на неё с интересом, прятал улыбку в бороду. Расспрашивал вежливо. И Василиса Власьева воспрянула духом, приосанилась.

О чём шла беседа, старуха никому не поведала, была учёная. Только знающие люди рассказывали, что Шарабаниха вскоре ещё раз побывала у Пугачёва, но уже своей волей. Принесла ему подарок на расшитом полотенце – глиняный горшок с крышкой. «Вот, государь, будь здоров на многая лета!» – Шарабаниха, передав подарок, бухнулась на колени, лбом в пол.

Лицо у «государя» потеплело. Старуху подняли. Пугачёв, благословив крестным знаменем, высыпал ей в ладонь горсть золотых монет и велел подарить шаль пуховую козью. Шарабаниха прослезилась,

усердно высморкалась, потом обняла за плечи и крепко поцеловала Емельяна Ивановича в его чёрную подстриженную бороду. Молодые казаки рты разинули.

Покинул Сатку Пугачёв 5 июня. Уехали с ним в обозе и «государевы жёнки». Первая среди них – «саткинская государыня», Дуняша Невзорова. «Цариц» у Пугачёва было не счесть. Но Дуняшу «царь» Емельян Иванович полюбил особой «царской» любовью. Молода она была, всего 15 лет.

Провожали Пугачёва, махали старухи, молодайки пучками кислицы, как цветами: зубы у всех белые, щёки румяные и пахнут вкусно. Это в заводском поселении все мужики знали. Часто потом они вспоминали те проводы, перемывали косточки «императору Петру Фёдоровичу Третьему». Знал он, видать, за что Шарабанихе полную горсть золотых монет отвалил, не за сплетни же о лугининских кладах. Бывало, сядут вечером на завалинки, рассуждают...

– Думается мне, Пугачёв получил от Шарабанихи то, что дороже золота для укрепления силы мужчинской, – кислицу. Её в степях не найдёшь.

– Известное дело, она растёт на высокогорных лугах. Жёнкам-то нашим такой подарок весной – всегда самый лучший. Девицы становятся игривые, молодайки шустрые, – мужики посмеивались, хитро подмигивали.

– Старухи и те, когда пьют чай с кислицей, пареной в меду, перед самоваром прихорашиваются.

– Ребятишки, как на дрожжах растут. Вот что кислица с людьми делает!

Старики морщили лбы, скребли корявыми пальцами бороды.

– А, сказывали, будто ещё Строганов горшки с нашей кислицей всегда в столицу отправлял, к императорскому, значит, столу.

– Про это и спознал, видать, Пугачёв. Стал «царём», и захотелось ему такой сладости отведать. Как раз угадал по времени!

– Опять же, не зря в обозе целую телегу кислицей нагрузили. И «царицам» развлечение – кислицу дорогой чистили. Ели, смеялись – весело ехали!

Долго вспоминали в заводском поселении и Дуняшу Невзорову. Она не потерялась, не погибла в боях и пожарищах крестьянской войны. Пугачёв отпустил её на правом берегу Волги, ниже Царицына. Отдал, прощаясь, свой пояс, набитый червонцами.

И Дуняша Невзорова вернулась домой. Вышла замуж за тридцатилетнего крепостного рабочего Фёдора Аристова из Новой Пристани, откуда шли караванами барки с чугуном саткинским и железом по реке Ай и дальше по Каме, Волге, до Нижнего Новгорода. Природа в Новой Пристани чарующая. Редко встретишь где такую изумительную красоту. Но тяжкими были плоды труда работных людей.

Замужнюю жизнь Евдокия Ивановна Невзорова-Аристова прожила степенно, родила 14 детей. Умерла в 1840 году. Было ей за 80 лет, а на лице – ни морщинки. Новопристанские старички, глядя на неё, вспоминали Шарабаниху. Рассказывали о подарке «императору Петру Фёдоровичу Третьему» внукам и правнукам. Ещё до недавнего времени родственников Дуняши Невзоровой называли «пугачами» в здешних местах. Людская молва – речная волна.

Новая Пристань сегодня – это гавань для путешествующих по Лунной реке и для тех, кто до сих пор ищет лугининские клады.